

А р ч и н а   О с т р о м и ч и н а

Д В А . Т О Ч К А . Н О Л Ь

За окном монотонно звучал низкий голос. Иногда его перебивал другой, повыше. Я прислушалась: ни слова не понимаю. Язык точно не романский. И не германский. И даже не славянский. Ни одного знакомого корня. Может, албанский? Новые соседи, наверное.

Вставать не хотелось. Вчера переводила допоздна, а после недосыпа тяжело работать, поэтому и будильник выключила. Но если уж проснулась, надо проверить почту, и я открыла глаза. Вместо привычного белого потолка — косо уходящие вверх темные доски. Мансарда? Я приподнялась, осмотрелась: небольшая уютная комната, несколько книжных полок, кресло завалено плюшевым зверьем.

Где я?

Пахло горячим маслом, как будто рядом пекут блины. За окном все стихло, зато за дверью теперь громко смеялись дети. Кажется, все-таки сплю: ни блинов, ни детского смеха у меня дома уже давно не было.

Я села на кровати, ноги едва доставали до пола. Слезла, прошлепала босиком к шкафу.

В зеркале отразилась девочка лет шести.

Распушенные черные волосы чуть ниже плеч, темные глаза, пижама в цветочек. Подняла руки, повертела перед собой: гладкие розовые ладони, короткие детские пальцы. Какой необычный сон! Попробовала ущипнуть себя — говорят, это помогает проснуться. Девочка в зеркале скопировала мой жест.

Больше всего мне сейчас хотелось закрыть глаза, а потом оказаться дома, в удобной кровати, в полумраке — я люблю, когда в спальне темно, у меня там плотные шторы. В десять пришлют текст на вычитку, в полдень его будет ждать заказчик. Но сон никак не кончался, и мне в голову пришла нелепая мысль: интересно, а позвонить отсюда можно? Скажу на работе, что заболела.

Телефона в комнате не было. Я осторожно открыла дверь и увидела деревянную лесенку. Спустилась, держась за перила: ступеньки оказались слишком высокими. Внизу за овальным столом сидела

семья. Мужчина и мальчик-подросток — наверное, это их голоса меня разбудили. Две девочки постарше той, кого я видела в зеркале, и женщина в ярком домашнем платье.

Она улыбнулась и подошла ко мне. Огромная, вдвое выше меня — пришлось запрокинуть голову, чтобы видеть ее лицо. Взяла меня за руку, заговорила на незнакомом языке. Отвела наверх, помогла переодеться. Я молчала — а что я могла сказать? Она скрепила резинкой мои волосы и подтолкнула меня к двери в коридор, потом в ванную. Я медлила: в стаканчике стояли три разноцветные щетки. Какую взять? Девочкина мама вздохнула, протянула мне синюю. Не уходила, пока я не начала выдавливать пасту. Чистить зубы чужой щеткой? А с другой стороны, у меня и тело чужое. Я храбро открыла рот и прошлась щеткой по зубам. Потом вернулась вниз, села на свободный стул. Девочки тихо шептались, меня как будто не замечали. Мне на тарелку положили плоскую золотистую лепешку. Я попробовала: вкусно.

Пока ела, смотрела по сторонам. В этой семье, похоже, не принято сидеть за столом с мобильниками. Придется искать, где они держат свои телефоны. После завтрака девочки взяли мяч и убежали во двор, их мама начала убирать со стола, папа с мальчиком куда-то ушли.

Может, у них есть обычный домашний телефон? Я побродила по коридорам, заглянула в комнаты. В прихожей на тумбочке увидела старинный аппарат. Неловкими детскими пальцами с трудом прокрутила тугой диск, набирая знакомые цифры. Короткие гудки, снова и снова. Код города, код страны — и все равно только издевательское пиканье.

За дверью послышались шаги. Я быстро положила трубку и присела на пуфик. Подошла девочкина мама. Мне страшно хотелось с ней поговорить, у меня столько вопросов накопилось! И о телефоне, и об их семье, и об этой странной девочке, за которую меня тут принимают. За все утро я не сказала ни слова, а им как будто все равно. Дочка у нее необщительная, я уже догадалась. Но я-то не могу молчать весь день.

Я открыла рот и попыталась спросить, почему никто со мной не разговаривает. Язык ворочался с трудом, слова звучали неправильно. Девочка привыкла произносить другие звуки, русские слова ей не даются. Женщина приподняла брови и сказала короткую фразу. Подошел ее муж, сначала они спорили, потом как будто задавали мне вопросы, судя по интонации. Я постепенно приспособилась, мышцы языка начали меня слушаться, и я настойчиво твердила: я не ваша

дочь, мне нужно вернуться домой. Девочкины родители смотрели на меня с недоумением. Я повторила все то же самое по-английски, потом по-испански. Никакой реакции. Если уж они этих языков не знают, то плохи мои дела.

Кажется, мужчина решил, что я придумала новую игру: болтать бессмыслицу. Он засмеялся, махнул рукой и ушел. Его жена отвела меня на просторный балкон, заставленный яркими цветами в горшках, и усадила перед низким столиком, где аккуратной стопкой лежали детские книжки с картинками. Я листала их и не видела ни одного знакомого символа. Что это за алфавит — арабский, грузинский? Нет, они не так выглядят.

И тут я по-настоящему испугалась: а если я так и не смогу проснуться? Что я буду делать среди этих людей — не зная их языка, не понимая, куда я попала?

Говорить я больше не пыталась. Чтобы не поддаваться панике, весь день мысленно повторяла: мне это снится, это как игра. Угадывала, чего от меня хотят, и молча подчинялась. Меня отправляли мыть руки, сажали за стол, я ела и пила. За обедом вся семья что-то обсуждала, а я молча наблюдала и пыталась уловить хоть одно знакомое сочетание звуков.

Наконец, наступил вечер. Мама девочки укутала меня одеялом, поцеловала в лоб и погасила верхний свет. Я устроилась поудобнее и заснула в надежде, что этот кошмар закончится и я снова стану собой. Это просто долгий сон, это не может быть реальностью. Надо только проснуться.

На следующее утро я долго не открывала глаза: боялась. Осторожно прикоснулась рукой к стене, провела снизу вверх, нащупала излом между стеной и косым потолком: все та же мансарда. Сколько мне еще здесь торчать? У меня работы полно, по двум заказам сроки поджимают, я же ничего не успею, если не вернусь домой сегодня.

Я швырнула на кресло дурацкую пижаму в цветочек, достала из шкафа первое попавшееся платье, пошла чистить зубы уже знакомой синей щеткой. Из зеркала на меня смотрела недовольная детская физиономия. «Что уставилась», — злобно сказала я своему отражению, с шумом выплюнула воду и спустилась в столовую.

Когда я вошла, все притихли: наверное, их напугал мой сердитый вид. Но меня это не волновало, мне и своих проблем хватало. Я села

рядом с сестрами, увидела перед собой блюдо с такими же лепешками, как вчера, поморщилась: «Что, всегда одно и то же на завтрак?» — может, и хорошо, что я им ничего не могла сказать, а то поругалась бы сейчас со всеми.

Однако без их языка я долго не продержусь, раз уж я тут застряла. Пришлось выбрать подходящий блокнот и несколько тонких карандашей. Все это лежало на столике с книжками — на балконе, куда меня отправляли посидеть после еды. В тот же день я начала прислушиваться к разговорам и записывать повторяющиеся слоги.

Пальцы не слушались, вместо привычного бисерного почерка получались уродливые закорючки. Но я не сдавалась, старалась писать медленно и аккуратно.

Через пару дней я уже знала, что моих сестер зовут Десса и Киана, а меня — Лайна. У брата как будто было два имени: отец называл его Дарнал, а мать — Ниси. С именами родителей было еще сложнее: дети обращались к ним словами «ами» и «ноли». Потом я заметила, что муж часто говорит жене слово «Сати». Наверное, это и есть ее имя. Сама же Сати называет мужа «ноли», как и дети.

Я быстро поняла, что ударения здесь всегда падают на первый слог, без исключений. Сразу стало легче улавливать в потоке речи отдельные слова. Список слов в моем блокноте постепенно рос, но переводы появлялись медленно. В первые дни я разгадала только обращения, приветствия, слова благодарности и что-то вроде «спокойной ночи» — девочкина мама говорила это, когда выключала свет на ночь.

Еще я запомнила движения, заменявшие «да», «нет» и «не знаю». Здесь тоже кивают в знак согласия, мотают головой при отрицании, а покачивание головы вправо-влево означает неуверенность. Так я начала общаться с моей новой семьей: кивала, когда Сати собиралась положить еду в мою тарелку, и мотала головой, когда мне предлагали добавку, а во всех остальных случаях изображала «не знаю»: даже если это было невпазд, ничего страшного, Лайну и так считали странной девочкой, вряд ли я могла что-то испортить.

Честно говоря, язык оказался слишком сложным для меня. Знание европейских языков совсем не помогало. От отчаяния я попыталась объяснить картинками. Сначала нарисовала глобус в виде шарика на подставке, а на нем — материка. Поставила точку там, где я живу, и хлопала себя по груди. Потом показала на Сати и протянула ей листок: надеялась, что она отметит свой город. Но она меня не по-

няла: повертела листок в руках и нарисовала завитушку в углу, как будто оценку поставила.

Тогда я нарисовала фигурку девочки, напротив взрослую женщину, соединила их стрелочками. Сати заулыбалась — она опять все поняла неправильно:

— Лайна, — она ткнула пальцем в девочку на рисунке, — Ами, — показала на вторую фигуру.

Я разозлилась, замотала головой, зачеркнула женскую фигуру и жирно обвела стрелку к девочке. Потом зачеркнула и девочку тоже. Ничего не вышло. Я скомкала листок и бросила на пол. Сати грустно вздохнула, подняла бумажный комок и ушла в кухню.

А я села за низкий детский столик, закрыла лицо руками и стала думать о своей жизни, оставшейся неизвестно где. В то утро, когда я здесь оказалась, у меня была срочная работа. К полудню меня точно начали искать. Звонили на мобильный. Ладно, допустим, Лайна попала в мое тело. Она бы точно не поняла, что это за серая дощечка запищала и запрыгала на столике у кровати.

Господи, бедная девочка. Проснулась утром в огромном чужом теле, да еще и не очень здоровом: то сердце прихватит, то голова раскалывается. Квартира незнакомая, мамы нет. Хорошо, что у меня там полно еды: соки, печенье, йогурт. Надеюсь, Лайна догадалась поесть.

Днем, когда шеф увидел, что я не отвечаю на сообщения, он должен был послать ко мне Диму, моего бывшего мужа. Я представила, как Дима звонит в дверь, потом открывает своим ключом и входит. Видит меня — растерянную, непричесанную. Может, заплаканную. Спрашивает, что случилось. Лайна молчит: с чужими она не разговаривает, а тут еще и язык незнакомый. Дима задает вопросы, злится, повышает голос — думает, что я над ним издеваюсь. Лайна пугается и убегает в дальнюю комнату.

После такого Дима наверняка вызвал Инку, нашу дочь. Сказал, что у мамы крыша поехала. Инка перепугалась, примчалась, тоже попыталась поговорить Лайну и тоже безуспешно. Потом Инка, скорее всего, позвонила знакомому психиатру, а он сказал, что все очень плохо. Лайну в моем теле должны были отправить в больницу. Дома ее бы не оставили в таком состоянии: молчаливую, беспомощную. А если из Лайны даже и вытянут какие-то слова — может, под гипнозом — это еще хуже: язык, на котором она заговорит, никто не сможет опознать.

А значит, все решат, что я окончательно свихнулась, и разбираться с моим бредом никто не станет. Лайну так и оставят в больнице.

Мне очень хотелось поговорить об этом. Но с кем? Моего языка здесь никто не знает. Остается одно: воображаемые друзья. Я поднялась в мансарду, вошла в свою комнату и прикрыла дверь. Посмотрела на кресло с игрушками: пусть они будут моими собеседниками. Теперь нужно выбрать, кто будет изображать мою семью.

Сначала Дима: хоть мы и развелись много лет назад, все равно он мой лучший друг. «Кого бы взять на эту роль? Медведь — не похож. Заяц — тоже не годится. А это кто... что-то среднее между волком и собакой. Крупный, красивый. Да, это Дима». Я посадила на пол серую плюшевую собаку с большими треугольными ушами. Черные стеклянные глаза поблескивали в солнечных лучах, падавших из окна, и я представила, что смотрю на Диму. Не нынешнего, постаревшего, но все еще привлекательного, а молодого — мальчика, с которым я познакомилась на первом курсе, одного из троих в нашей группе. Лучшего из троих.

Сначала я и сама не понимала, зачем он мне понадобился: сухарь, отличник, на приставания девчонок не реагировал, — кажется, даже не понимал, чего они хотят. А мне это нравилось: никто не мешал медленно становиться частью его жизни. И хотя я тогда считала, что студенческие годы нужны для любви, а не для учебы, я почему-то стала искать к нему подход «через голову», а не «через тело». Наверное, мне и самой так было проще. Я задавала Диме умные вопросы и внимательно слушала его ответы. Он привык к нашим ежедневным разговорам — сначала только в аудиториях, потом и в коридорах, потом мы стали вместе ездить домой на метро, а весной, наконец, оказались в постели. Но к тому времени наш взаимный интерес успел перерасти во влюбленность. После второго курса мы сходили в загс. Родители повозмутились и смирились. И когда родилась Инка, они даже приезжали посидеть с ней, чтобы я могла сдавать зачеты и экзамены.

Тем временем, пока мы доучивались и растили Инку, мир изменился: поступали мы в одной стране, диплом защищали в другой. Привычный Ленинград превратился в помпезный Санкт-Петербург, в городе открывались все новые бюро переводов, и сразу после учебы мы оба нашли отличную работу. Я сидела дома с Инкой и переводила, Дима ходил в офис, а заодно приносил мне заказы и возвращал

шефу готовые тексты. Инка росла, мы работали все больше и больше. Купили квартиру, Инка пошла в школу, и наша жизнь побежала по кругу: от сентября, когда мы привыкали к новому режиму и утрясали всевозможные расписания, — к декабрю с выбором подарков и покупкой елки — потом к маю с ожиданием школьных оценок и предвкушением каникул — и потом опять к новому сентябрю. Год за годом, год за годом. После нескольких таких кругов я поняла, что устала, и мне захотелось чего-то нового, яркого.

В мечтах мне представлялось, как я знакомлюсь с кем-то молодым, сильным, красивым, и у меня начинается совсем другая жизнь. Вот только Дима в эту мою другую жизнь никак не вписывался. Так у меня впервые появились мысли о разводе. Но я не торопилась, ждала, пока Инка вырастет.

Ждать было не сложно: два трудовголика, мы с Димой отлично уживались. Но Дима работал спокойно и невозмутимо, часами молча сидел за компьютером и стучал по клавишам, а я так не могла, каждый заказ я воспринимала как вызов, а каждый текст — как битву, в которой нужно победить. И все же, хоть и по-разному, но мы оба любили свою работу. Целыми днями, а то и ночами мы переводили и редактировали, а в перерывах вместе пили чай и разговаривали. Но разговоры все реже касались других тем и все чаще превращались в обсуждение работы. Может быть, именно поэтому мы никогда не ссорились: даже когда интерес друг к другу начал угасать, у нас все равно оставалось общее увлечение — языки и тексты.

Но каждый раз, когда Дима по-утиному вытягивал губы вперед и дул на ложку с горячим супом, меня передергивало, и я выходила из кухни. И каждый раз, когда я слышала в коридоре шарканье войлочных тапочек, я думала: мой следующий мужчина никогда не будет носить такие тапочки! Последней каплей стала его пижама. Дима привез ее от мамы: фланелевая, в широкую полоску, с атласными кантами. Вечером, когда мы ложились спать, я сказала:

— Ой, у меня еще одна работа не доделана! — И села за стол.

А утром объявила Диме, что устала и больше не хочу с ним жить. Он удивился, решил, что у меня просто плохое настроение. Но через два дня все же переехал к маме. Она обрадовалась: после смерти мужа свекровь осталась одна в большой квартире, ей было скучно.

После развода Дима часто заезжал ко мне на чай. Мы по-прежнему любили говорить о работе. В нашей профессии все очень быстро

менялось, появлялись новые интересные программы, и мы часто спорили, долго ли еще продержатся переводчики. Дима считал, что в ближайшие годы нас полностью заменит машинный перевод, а я не соглашалась: эти переводы еще редактировать и редактировать, на наш век работы хватит. Иногда засиживались допоздна, и тогда Дима оставался у меня ночевать. Не в нашей прежней спальне, а на диване в гостиной.

Я погладила плюшевую собаку по голове, вздохнула: «Где же ты, Дима?» — и повернулась к креслу с игрушками.

Теперь мне нужно было найти среди них Инку. В последнее время я встречалась с ней даже реже, чем с Димой. Ей вечно некогда, она работает в больнице, а в перерывах между дежурствами постоянно где-то учится. Но в трудную минуту я бы, конечно, первым делом позвонила дочери. В куче зверей я увидела длиннохвостую лисичку. Инка не рыжая, волосы у нее почти черные, но тонкие черты лица, острый подбородок, изящная фигура — очень похоже. Я посадила вторую игрушку рядом с собакой, но она все время заваливалась набок или утыкалась острой мордочкой в ковер.

— Сиди ровно, — строго сказала я вслух и почему-то вспомнила, как учила Инку пользоваться компьютером.

Я тогда купила себе новый, а старый отдала ей. Инка поставила его на небольшой столик в своей комнате, садилась в глубокое кресло и низко склонялась над клавиатурой. Мне это не нравилось, я твердила, что она испортит себе глаза, испортит спину и вообще так нельзя. А потом пришел Дима и спросил, почему мы не придвинули настольную лампу к монитору. Мы с Инкой переглянулись и расхохотались: за полчаса мы так и не сообразили, что здесь просто не хватало света.

Тогда мы с ней еще понимали друг друга с полуслова, но я уже знала, что нам осталось недолго: приближался переходный возраст, я начиталась книг и статей и ожидала худшего. Думала, что Инка будет трудным подростком. Она всегда была очень своевольной, бескомпромиссной, даже агрессивной, когда отстаивала свои интересы. Вот только интересы Инки почему-то концентрировались не на мальчишках и подружках, как было у меня в старших классах, а на учебе. Папины гены, думала я: Дима с возрастом все больше становился похож на того замкнутого отличника, каким он был до нашего романа.

Мы с Димой много рассказывали Инке о нашей работе — точнее, мы просто всегда говорили о ней, а Инка слушала наши разговоры.

Но неожиданно для нас она увлеклась биологией и решила стать врачом. И оказалось, что ее переходный возраст таил в себе совсем не те подводные камни, которых я ждала. Мы действительно стали меньше общаться, но не потому, что Инка связалась с плохими компаниями, к чему я была почти готова. А потому, что она, как и мы с Димой, зациклилась на своем увлечении, и родители больше не были для нее достойными собеседниками.

После школы Инка поступила в медицинский. Домашние дела и наши отношения с Димой ее вообще не интересовали. Кажется, она даже не заметила, что мы развелись: подумаешь, папа переселился к бабушке, ничего особенного. Года два мы с Инкой жили вдвоем, иногда она оказывалась дома во время визитов Димы, и тогда мы, как раньше, обедали втроем. И вели себя так, будто ничего не изменилось. Да, в сущности, так и было: три взрослых человека, каждый занят любимым делом, каждый готов говорить о своей работе, а все остальное его не очень волнует. Потом, правда, у Инки появился друг, и она переехала к нему. С тех пор я жила одна. Инка навещала меня пару раз в месяц: забегала выпить чаю, приносила вкусные пирожные, быстро рассказывала про свои дела и прощалась.

Первое время мне казалось, что она приходит из вежливости, что ей самой не очень нужны эти встречи. Но постепенно я стала замечать, что в наши отношения возвращается теплота, которую мы утратили много лет назад. Однажды я спросила Инку, почему она так изменилась. Она не сразу ответила. Отвернулась к окну, покрутила в пальцах прядь волос, по-детски шмыгнула носом. Потом сказала:

— Повзрослела, наверное.

— А что это значит для тебя?

Инка опять помолчала, посмотрела мне в глаза:

— Знаешь, я сейчас скажу банальность, наверное. Повзрослеть — это значит простить своих родителей.

Я почувствовала, что краснею. Конечно, я слышала эту фразу. И думала такими словами о себе: какая я молодец, я давно простила моих родителей, а ведь они столько всего делали неправильно! Как же я не понимала, что теперь Инкина очередь простить нас?

Она подошла ко мне, обняла:

— Только не вздумай плакать! Все хорошо.

С тех пор я стала считать ее взрослой. Иногда я размышляла, за что именно она меня простила. Правда, недолго: я быстро пере-

ключалась на мысли о работе, так и не вспомнив свои родительские ошибки. Но если раньше в нашей паре умной и сильной я считала себя, то теперь мы постепенно менялись ролями. Когда у меня что-то не складывалось, я звонила Инке и просила приехать. Она выбирала просвет в бесконечном хороводе курсов, дежурств, зачетов и появлялась в дверях с традиционной коробкой пирожных. Я рассказывала о своей проблеме, а Инка, немного подумав, давала мне совет. Всегда короткий и всегда полезный.

Вот и сейчас: именно ей я бы позвонила, если бы могла. Именно ее слова мне сейчас были нужны больше всего. Но вместо Инки передо мной сидела пушистая плюшевая лисичка с коричневыми глазами-пуговками.

Я села напротив. Теперь это моя семья. Мне показалось, что чего-то не хватает. Мне тоже нужна игрушка. Я взяла с кресла мягкую белую овцу: вот кем я себя ощущала — бессловесная, тупая, не способная что-то исправить. Я прижала к животу свое плюшевое «я» и начала говорить.

— Привет, Дима! Привет, Инка! Я так по вам соскучилась!

Изменив голос — стараясь говорить как можно ниже, — я ответила сама себе:

— Ну, здравствуй, Лара!

А потом тоненьким голоском за Инку:

— Привет, мама!

И опять за себя:

— Вы даже не представляете, что со мной случилось.

И я начала рассказывать все по порядку, с пробуждения в этой комнате до попыток учить язык. В это время дверь приоткрылась, я повернула голову и увидела Сати. Она удивленно смотрела на овцу у меня в руках, потом перевела взгляд на собаку и лисичку. Похоже, ее дочь не любит играть. Я смутилась и замолчала, а Сати, чтобы меня подбодрить, заговорила медленно и спокойно. Я, как всегда, ничего не отвечала, а она вздохнула, взяла меня за руку и повела обедать. За столом Сати что-то рассказывала мужу, поглядывая в мою сторону и жестикулируя. Я догадалась: изображает, как я сидела на полу с игрушками.

Сестры перестали жевать и уставились на меня. Кажется, я сегодня вышла за рамки своей роли, не смогла изображать угрюмую молчаливую Лайну. Но мне это не помогло: все равно никто не догадывается,

что я — это не она. Сколько бы я ни старалась вести себя не так, как Лайна.

А что будет, если я выучу язык и расскажу им правду? Вряд ли они мне поверят. Да я бы и сама не поверила, если бы Инка лет в шесть заявила, что она не моя дочь, а какая-то посторонняя женщина, вселившаяся в ее тело. Я бы назвала ее фантазеркой и, может быть, даже подыграла ей. Но для меня это было бы только игрой.

Я пыталась найти выход, придумывала все новые и новые варианты. Пойти в полицию, попросить переводчика — но как я туда попаду и кто станет слушать ребенка, тем более не знающего местный язык? Письмо в газету или на телевидение — даже если я напишу его на нескольких языках, где я возьму конверт и куда отправлю? А хуже всего, что у них дома нет ни одного компьютера! Похоже, что и Интернета здесь нет. Их образ жизни напоминал какую-то южную страну прошлого века. Примерно семидесятые годы, судя по одежде и мебели. Как будто я перенеслась на сорок лет назад и на пару тысяч километров южнее. Но даже если так, почему я не узнаю страну и алфавит? Я перебирала все подходящие страны, но ни на одной не могла остановиться. К тому же я знала эти страны сейчас, в наше время, а как там жили сорок лет назад, представляла только по фильмам и книгам.

Мне очень хотелось узнать год и месяц, но у меня даже это не получалось! Мои новые родители выписывала газеты — каждое утро на крыльце появлялись бумажные прямоугольники. В моем мире таких уже давно нет, а здесь, как в прошлом веке, глава семьи каждое утро с хрустом разворачивал свежую газету — желтоватые листы с забытым запахом типографской краски, — и читал вслух некоторые строчки, а жена и старший сын отвечали короткими репликами. Потом он оставлял газету на столике в гостиной и уходил, а я, прежде чем отправиться на свою террасу с книжками и игрушками, подходила к столику и рассматривала первую страницу. Дата! Она ведь должна быть указана под названием газеты! Но я никак не могла определить, какими символами здесь обозначались цифры.

Иногда мне казалось, что это дает мне надежду: мир, в котором не пользуются ни арабскими, ни римскими цифрами, просто не может существовать в реальности. А значит, это лишь затянувшийся кошмарный сон. Но иногда я впадала в отчаяние: а вдруг такие миры все же есть? Тогда надеяться не на что: я никогда не найду способ отсюда выбраться.

Каждый вечер, ложась спать, я молилась богу, в которого не верю: господи, прошу, верни меня домой! Я больше никогда не буду... чего именно не буду, я не успевала придумать: в этом маленьком детском теле я засыпала очень быстро. Но домой меня не возвращали, и каждое утро, снова и снова, я просыпалась в мансарде Лайны.

Вскоре после разговора с игрушками мне приснился сон. Будто бы я встала с кровати в моей прежней комнате, открыла окно и легко перебралась через подоконник. Но не упала, а спокойно зашагала по теплой упругой пустоте.

Сразу после этого я проснулась, но — увы! — не в своей комнате, как в этом сне, а в кровати Лайны. Все утро я вспоминала: а точно ли я легла спать в тот последний вечер дома? А не случилось ли что-то плохое? Нет, выйти в окно я не могла, конечно. Это совсем не в моем стиле. Слишком много невыполненных обязательств у меня там оставалось.

Вот разве что сердце... В последний год оно «пошаливало», как выражался старичок-кардиолог. Когда мне становилось плохо, я просила Диму на всякий случай пожить у меня несколько дней. Он приезжал с ноутбуком, сидел за моим столом в спальне, а я устраивалась со своим компьютером прямо на кровати. Мы стучали по клавишам, изредка переговариваясь и обмениваясь шутками — совсем как раньше. В такие дни я думала: и зачем мы развелась? Так бы и жили вместе. Хорошо, когда рядом есть друг. Но потом, когда я поправлялась и Дима уезжал к себе, я вздыхала с облегчением: нет, одной все-таки лучше.

Но иногда, если сердце прихватывало по вечерам, когда вызывать Диму было уже поздно, я боялась засыпать: казалось, что я могу больше не проснуться. А что, если так и вышло?

Несколько дней я отгоняла от себя эту догадку, отказывалась думать о том, что я умерла. Потом начала робко приближаться к мысли о смерти. Как будто пробовала ногой холодную воду и не решалась в нее войти, но все же, двигаясь крошечными шагами и преодолевая страх, входила в эту реку. И чем дальше я шла, тем больше вопросов у меня появлялось. Если это правда, то где теперь Лайна? Заняла мое тело, которое отказалось мне служить, и моя семья принимает ее за меня? Но тогда моя смерть становится ненастоящей, неполной, незавершенной. Это нечестно по отношению к Инке и Диме: у них остается надежда, что я к ним вернусь. А если Лайна не стала мной, то меня уже давно похоронили, и мне незачем оставаться здесь, среди этих посторонних людей.

Воспоминания о моей жизни причиняли боль, и это меня удивляло. Раньше я не видела в этом ничего ценного: обычная судьба, обычная профессия, обычное движение от понедельника к воскресенью, от января к декабрю — без интересных событий, без острых эмоций. Но теперь, когда меня выбросило из этой простой жизни, я смотрела на нее иначе. Мне до слез хотелось туда вернуться. И оставаться в этом чужом мире я больше не могла.

Я села на подоконник в своей комнате и посмотрела вниз. Второй этаж, высота небольшая, но двор вымощен камнем. Защелка на раме оказалась тугой, я начала сдвигать ее короткими рывками, и металл противно повизгивал. Я прищемила палец, содрала кожу и слизнула языком каплю крови. Обхватила колени руками и заплакала. Я больше не знала, как мне быть.

За дверью заскрипела лестница, и я узнала шаги Сати. Девочки ступают легко, почти неслышно. Их комната напротив моей, с балконом на улицу. А у меня только небольшое окно, но я даже открыть его сама не смогла. Сати как будто что-то почувствовала: она вбежала в комнату и бросилась ко мне. Схватила, обняла, взяла на руки. Мне было неудобно, я попыталась ее оттолкнуть. Сати посадила меня на кровать и быстро заговорила. Я разобрала несколько слов: окно, почему, девочка. Но смысл не уловила. Может быть, Лайна и раньше пыталась открывать окно, а ей не разрешали.

Ненадолго я ощутила злорадство: вот справлюсь с этой защелкой, выпадут на камни, и узнаете — потеряете своего ребенка, как я потеряла Инку. И сразу же мне стало стыдно: господи, как я могла вообще до такого додуматься? Чем Сати передо мной виновата? Она даже не знает, что в этом теле больше нет ее дочери.

За месяц, проведенный в чужой семье, я успела рассмотреть их быт. Сати была отличной матерью, я не могла не признать это. В каждом ее жесте — как осторожно она расчесывала мне волосы, как внимательно рассматривала мои рисунки, как заботливо поправляла одеяло перед сном — я видела любовь. И каждый раз я невольно сравнивала ее с собой.

Мне была не по плечу роль матери. Наверное, я слишком рано взвалила это на себя, я была не готова менять приоритеты. Сначала на первом месте стояла учеба, а Инка с Димой делили второе место. Потом учебу сменила работа, а Инке так и не удалось подняться в моем

списке наверх. А когда она подросла, я обнаружила, что мы живем хоть и рядом, но отдельно: две перфекционистки, две отличницы, погрязшие в учебе и работе. Нам было некогда остановиться и просто порадоваться тому, что мы вместе.

Много ли тепла видела Инка, пока росла? Мне вечно не хватало на нее времени. Я не успевала говорить ей, как она мне дорога. А потом она выросла, и я решила, что ей уже не нужны мои признания. Как это было глупо: отдавать все силы работе, а не любимым людям. Но это уже не исправить.

По вечерам, переодевшись в уютную пижаму Лайны, я рассаживала на своей кровати игрушки и рассказывала им, как прошел мой день. Я уже догадывалась: однажды я забуду, почему я назвала овечку Ларой, собаку — Димой, а лисичку — Инкой. Я гладила лисичку и видела перед собой худую угловатую девушку, с неровной челкой, спадающей на глаза. «Спокойной ночи», — говорила я игрушкам и устраивалась рядом с ними. А потом в комнату заходила мама и улыбалась, увидев меня в такой компании. Я больше не отстранялась, когда она наклонялась, чтобы поцеловать меня в лоб.

А днем, сидя за детским столиком и срисовывая из книжек непонятные символы, я думала о Лайне. Где она сейчас? Куда ее занесло этим нелепым ураганом, перемешавшим наши жизни?

Она и дома-то не могла жить, как все — как ее сестры, например. Они не брали Лайну в свои игры, не звали ее гулять. Она явно боялась покидать дом: я просидела тут уже больше месяца, ни разу никуда не выходила, и никто этому не удивлялся. Внешний мир Лайны ограничивался балконом, выходившим во двор. Я каждый день смотрела на высокие деревья, стоявшие вдоль каменного забора. Похоже на кипарисы: темно-зеленые, густые до черноты. За ними виднелись печные трубы на черепичных крышах. Вдаль уходили пологие холмы с островками белых домиков. Ни моря, ни гор: не за что зацепиться, чтобы угадать страну.

Я пыталась придумать такое объяснение, при котором Лайна не пострадала. Может быть, она так сильно погружена в себя, что не заметила перемены? Лайна будет жить своими грезами, даже оставаясь в больнице внутри моего тела. А может, и не моего. Может, цепочка намного длиннее, и мы с Лайной — только два звена.

Но тогда в этом должен быть какой-то смысл. Возможно, я получила вторую версию моей жизни. «Версию два точка ноль», — подумала

я и усмехнулась: — улучшенную и исправленную». Здесь, в этой версии, я смогу с самого начала все делать правильно. Настоящая Лайна, первая версия, имела ошибку: она не могла дать родителям ни любви, ни внимания. А у меня есть шанс это изменить. Я выучу язык и останусь для них Лайной, сколько бы я ни прожила здесь.

Я встала с дивана, подошла к Сати. Она положила шумовку на тарелку, вытерла руки о фартук и повернулась ко мне. Я молча протянула руки и обхватила ее. Сати растерялась: похоже, Лайна ее никогда не обнимала. Я подняла голову и отчетливо сказала:

— Ами, эртиа, — что означало: «Мама, гулять».

